

Д.Г. ЕВСТАФЬЕВ

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: РИСКИ ДЛЯ РОССИИ

Аннотация. *Современные глобальные трансформации и возрастающая степень дестабилизирующего вмешательства во внутренние дела суверенных государств со стороны стран, относящих себя к «коллективному Западу» на фоне возросшей в связи с появлением и глобальным распространением цифровых интегрированных коммуникаций степени манипулятивности и интрузивности в политические и социально-экономические процессы, ставят вопрос о возникающих для России новых рисках. Причем, как с ракурса ее текущей политики на мировой арене, так и с точки зрения возможности осуществления социальной модернизации внутри страны. Ключевым риском следует считать возможность подрыва легитимности России как государства и устойчивости ее социально-политической системы в силу целенаправленной политики США и их сателлитов по размыванию принципов государственного суверенитета через манипуляции, направленные на использование как средства делегитимизации внутренних социальных проблем и раскола в обществе.*
Ключевые слова: *риски глобальных трансформаций, легитимность, система власти, пространственное развитие, сетевые структуры, глобальная конкуренция, информационные манипуляции.*

INFORMATIONAL MANIPULATIONS AND NATIONAL SOVEREIGNTY: RISKS FOR RUSSIA

Abstract. *Contemporary global transformations and the increased capabilities of the destabilizing interference into the domestic affairs of the sovereign countries on behalf of the states that relate themselves to the “collective West” phenomenon is facilitated by the worldwide expansion of the digital integrated communications. All that increases the opportunities for the political manipulations and puts forward the issue of the new risks for Russia not only from the point of view of foreign policy potential but also from the point of view of the domestic social modernization. The key risk is the possibility of undermining of Russia legitimacy as a sovereign state and stability of its socio-political system as the result of the targeted policy of the US and its satellites for the erosion of the principles of*

ЕВСТАФЬЕВ Дмитрий Геннадиевич — кандидат политических наук, профессор Департамента интегрированных коммуникаций Факультета коммуникаций медиа и дизайна Национального исследовательского университета — «Высшая школа экономики», г. Москва

the national sovereignty with the new global manipulation technologies that utilize the domestic social and political fractures.

Keywords: *risks of global transformations, political power system, geoeconomic spatial development, political legitimacy, net structures, global competition, informational manipulation.*

Необходимость междисциплинарного подхода

Трансформации операционного пространства глобальной экономики и, как следствие, политические процессы, связываемые с формированием системы «полицентричности», не являются однонаправленными и проявляются не только в мировой политике и экономическом развитии. Они отражают целый спектр тенденций, связанных не только с эволюцией системных связей между государствами, во многом соответствующих принципам «мир-системы» И. Валлерстайна [1], но и реализуются в мире конкуренции различных типов устройства геополитического пространства, в частности, через конкуренцию сетевых и иерархических моделей. Новая парадигма развития отражает и внутренние процессы развития государств, ставшие отражением относительной тупиковости эволюции государственных систем как в формате постиндустриализма, приведшего, в сущности, к глобальной сетевизации и размыванию роли и места государств в глобальной экономике, а затем, — и в политике к началу 2000-х годов, так и в классическом зрелом индустриальном формате, находившемся в кризисе даже без учета неизбежных последствий «четвертой промышленной революции»¹. Таким образом, современные глобальные трансформации представляют собой комплексную систему, создающую комплексные же вызовы как для всего человечества, так и для отдельных государств и сообществ на различных уровнях развития.

Трансформация мировой политики и кризис глобальных политических институтов становится не просто неизбежным, но естественным следствием трансформаций, формирующих пространство, характеризуемое четырьмя ключевыми факторами:

– Кризисом постиндустриализма, как образа будущего, нарастанием очевидных социально-экономических асимметрий, не решаемых в рамках существующих моделей развития современной экономики [3].

– Сохранением остаточной конкуренции иерархических и сетевых структур и возникновения «серых зон» доминирования моделей развития, способных в будущем стать источником социальной нестабильности. В качестве элементов «серых зон» начинают выступать транснациональные

¹ «Четвертая промышленная революция» является зонтичным термином, объединяющим кластер технологий, приводящих к существенному изменению как операционной составляющей экономических процессов, так и социальной составляющей [2]. Ключевым фактором становится изменение роли и места человека и рабочей силы (трудовых ресурсов) в экономических процессах, а следствием — изменение сути человека, как социального организма, а возможно, как биологической единицы.

анклавы, ранее рассматривавшиеся в качестве опорных точек сетевизированной глобализации.

– Ослаблением влияния всех глобальных политических и экономических межгосударственных и надгосударственных институтов и большинства региональных, причем ослабление политических институтов происходит существенно более быстрыми темпами, нежели экономических, что отражает в целом сохранение, как минимум, отдельных компонентов глобальной экономической взаимозависимости, в частности, в сфере финансов и инвестиций. В настоящее время отмечаются признаки осуществления США управляемой целенаправленной кампании по делегитимизации ООН.

– Возросшей ролью коммуникаций, как политического инструмента, причем не только с точки зрения кратко- и среднесрочного управления политическими и экономическими процессами, но и как инструмента формирования не только процессов, но и институтов². Это связано, в том числе и с тем, что главным фактором интеграции сетей является коммуникация, обеспечиваемая на базе новых коммуникационных технологий, обеспечивающих содержательную интеграцию в режиме, близком к реальному времени на базе, в том числе и каскадируемых управляемых нарративов [4, с. 189].

С политической точки зрения мировое сообщество и Россия, как его часть, сталкивается с глобальными процессами, формирующими, с одной стороны, комплексные феномены, а с другой, — феномены, в наибольшей степени проявляющиеся в пространстве коммуникаций, где наблюдается переход от создания краткосрочных манипулятивных элементов «дополненной реальности»³ (что, скорее, можно отнести к продвинутым формам дезинформации) к формированию новых, более сложных и долгоживущих видов «дополненной социальной реальности». Такие «дополненные социальные реальности» смогут определять, как минимум, среднесрочные векторы поведения значимых социально-вовлеченных слоев населения и обеспечивать долгосрочное фреймирование общества. Подобные реальности относительно легко трансформируются в глобально значимые политические

---

² Ключевым фактором развития современного информационного пространства становится принципиальная возможность существования социо-коммуникационных институтов, дающих возможность аффилирования с тем или иным общественным (общественно-значимым) процессом, в том числе, и геополитическим без прямого участия общества. Это принципиально меняет существующее понимание принципов социального вовлечения, как основы политического процесса и политической легитимности. С учетом того, что все основные каналы глобальных коммуникаций контролируются США, возникают практически неограниченные возможности для управления социо-коммуникационными институтами, способными использоваться в глобальной геополитике (например, «Белые каски»), а в перспективе — для формирования системы «конкурирующих международных легитимностей» (через, например, перехода от выборов к интернет-опросам, как источникам директивных решений).

³ Классическим примером такой дезинформации является информационная манипуляция с созданием, вбросом и последующим поддержанием информационного фейка, связанного с падением Триполи в ходе гражданской войны в Ливии, осуществленный телеканалом «Аль-Джазира». Но главная черта такой манипуляции — сугубо прикладной характер и расчет на моментальный или близкий к моментальному эффект.

феномены, вполне пригодные для использования в процессе обеспечения благоприятного характера глобальных изменений.

Очевидно, что такие процессы не могут оцениваться только с юридической или только с политической точки зрения. Становится принципиально важным анализ того пространства, где происходят рассматриваемые процессы, то есть, современное информационное общество в его соприкосновении с социальным пространством и социальными институтами. Это ставит на повестку дня необходимость методологической междисциплинарности и при оценке тенденций глобального развития, так или иначе связанных с вопросом операционной легитимности, и при выработке политики России.

Проблематизация явления

В возникающих динамических глобальных условиях под сомнение может быть поставлен не только сам принцип государственного суверенитета, что уже происходило в ходе поздних волн глобализации, связанных с мировой сетевизацией, но и механизм его политического оформления и репрезентации, являющийся основой деятельностью государств на мировой арене.

Целесообразно в складывающихся глобальных условиях ввести политологическую категорию «глобальной легитимности», предварительно определяемой как *восприятие политической власти той или иной страны, правомочной осуществлять внешнеполитические и внешнеэкономические действия, в том числе, и связанные с принятием решений о распоряжении различными ресурсами за пределами своей национальной территории.*

Глобальная легитимность может быть разделена на «полную», долгосрочную свои части, что является, безусловно, категорией международного права и выходит за рамки нашего исследования, и «операционную» легитимность, то есть, складывающуюся в результате действий отдельных государств и групп государств, международных и/или надгосударственных институтов, реализующуюся только в сфере текущей политики и не имеющую безусловной правовой универсальности. Политика США направлена на подмену, а в перспективе — и на полную замену классической глобальной легитимности, реализуемой в рамках единого понимания и толкования международного права, операционной, присвоив себе (напрямую и через и контролируемые международные институты) функции определения этой легитимности и последующей политической (на деле — политико-информационной) легитимизации соответствующей политической системы, даже если она не соответствует формальным требованиям, применяемым к понятию «государство».

Автор выдвигает следующую гипотезу:

Глобальные трансформации, наблюдаемые нами в системах глобальной экономики и результирующие в мировую политику с точки зрения роли и места ключевых глобальных институтов, приводят к кризису понятия

«международная легитимность» в отношении государств. Это накладывает на принципиально большую степень манипулятивности в политике и особенно экономике [5], причем как на макро-, так и на микроуровне, формируя пространство гибридных рисков, в рамках которого разделение рисков на внутренние и внешние приводит к нарастанию организационной неэффективности и запаздыванию реакций. Ключевая проблема глобального развития, таким образом, может быть определена, как возникновение эффекта «новой глобальной» легитимности, становящейся нарастающе контекстной и все более зависящей от степени социально-политической репрезентативности системы власти⁴. *Реальный, глобально операционно пригодный национальный суверенитет начинает все больше зависеть от внутренних факторов, прежде всего, факторов социальной и социально-политической устойчивости, нежели от внешних юридических институтов, механизмов и процессов.* Для России это обстоятельство обостряется еще больше за счет сращивания внутренних и внешних вызовов развития страны и неадекватности современной пространственной архитектуры потребностями текущего геоэкономического развития.

Глобальная операционная легитимность превращается в каскадируемый эмоционально окрашенный нарратив, когда рациональные факторы формирования (генезиса) играют подчиненную роль по сравнению с коммуникационно репрезентируемой социальной средой. Ключевым фактором развития феномена «операционной легитимности» становится то пространство, в котором оно развивается, то есть, — современное информационное общество, основанное на глобализированных каналах коммуникаций⁵. Не исключено, что стратегической целью США является размывание понятия «легитимность» до стадии превращения его в политико-коммуникационное понятие. И противодействие этому процессу только с использованием правовых инструментов и аргументов в складывающейся глобальной ситуации становится, как минимум, недостаточным.

Ключевым риском для России в мире становится возникновение принципиальной возможности глобальной делегитимизации с использованием

---

⁴ «Казус Венесуэлы», связанный с возникновением ситуативного двоевластия, что не является революционным феноменом, в сочетании с ситуативной политической и операционной легитимностью (доступ к находящимся в системе глобальной экономики финансовым ресурсам в зависимости от аффилированности с той или иной системой неполной глобальной легитимности), что является относительно новым фактором развития глобальной политики и экономики, ждет своего междисциплинарного исследования с использованием комплексных методологических подходов. Во всяком случае, феномен конкурирующих в глобальном пространстве «легитимностей» — а именно так взаимодействуют с внешним миром Н. Мадуро и Х. Гуайдо — может оказаться важнейшим феноменом транзитной политической системы.

⁵ Особенностью этих каналов является то, что они в основном развиваются в правовом пространстве, сформированном на базе американского законодательства, к глобализации которого США прилагают существенные усилия на государственном уровне. Иными словами, по сути, операционная легитимность, в том числе операционная легитимность государств, определяется в пространстве, регулируемом во многом американским внутренним законодательством и отражающим внутриамериканские политические процессы.

внутренней социально-политической деструкции и фактора общественной нерепрезентативности государственной власти.

Проблема формирования нового, более комплексного понимания глобальной легитимности, выходящее за рамки юридической трактовки понятия и будет в существенно большей степени опираться на внутреннюю социально-экономическую устойчивость, давая возможность более эффективного глобального маневрирования. Для России это означает, с одной стороны, нарастающие ограничения возможностей легитимизации своих глобальных геополитических (и геоэкономических) претензий (запросов) через ранее сложившуюся систему международного права и соответствующих институтов. Думается, это уже стало очевидным для российской политической элиты. С другой стороны, возникает ситуация принципиальной неразделимости внутренних и внешних рисков безопасности и развития России, системной увязанности глобальной легитимности нашей страны, как ключевого игрока в глобальной политике, и ее внутренней социальной и социально-политической устойчивости, степени социальной репрезентативности ее элиты и власти.

Антироссийская пропаганда как многослойное явление

Применительно к России проявляются несколько специфических проблем, обостряющие проблему глобального государственного суверенитета и легитимности. Часть этих проблем является следствием текущих политических процессов, отражающих переход взаимоотношений России со странами «коллективного Запада» от конкуренции к конфронтации, то есть от «торговли» по частностям к модели взаимоотношений, близкой в настоящее время к модели «игры с нулевой суммой», но эти специфические проблемы в существующих глобальных условиях могут приобрести статус мировых тенденций. Тем не менее, большинство факторов, оказывающих влияние на положение России и перспективы ее восприятия в мире, как ключевого игрока, являются специфическими проявлениями общеглобальных процессов и тенденций. Перечислим ключевые тенденции, оказывающие влияние на пространство мировой политики и возможности суверенной российской внешней политики.

- Глобальная экономическая и военно-политическая ситуация развивается по линии усиления попыток дискредитации государственного суверенитета как такового, и народа, как источника легитимности политической системы, что является отчасти следствием инерции глобализации [6] и кризисом глобализма, как модели развития, но, отчасти — результатом трансформации моделей взаимодействий ключевых государств мира. В частности, ключевым фактором, приводящим к эрозии принципов государственного суверенитета, является переход к построению глобальных политических и экономических коалиций вокруг ключевого игрока, что противоречит принципам формальной геополитической равноправности, характерным

для глобального развития в последние 35 лет⁶. В этом смысле, говорить о новой архитектуре глобальной политики, как о некоей версии Вестфальской системы, было бы ошибочно.

- Главным источником таких процессов выступают США и их политические сателлиты, но такому развитию ситуации способствуют и глобальные экономические процессы, а также деятельность наднациональных политических структур (например, Еврокомиссии), стремящиеся перенести экономическую наднациональность в политическое пространство. Ключевым фактором такого подхода является то обстоятельство, что источником глобальной легитимности является международное признание (на практике, — признание со стороны «коллективного Запада»).

- Современную ситуацию можно определить как попытку «набора прецедентов», причем «качество», то есть, публично-политическая легитимность такого рода «прецедентов» не имеет принципиального значения для инициаторов процесса. Речь идет о том, что процессы глобализации американского внутреннего законодательства начинают распространяться на аспекты международного права, определяющие пределы государственного суверенитета. Казус Венесуэлы говорит о готовности США действовать в этом направлении даже в условиях реального появления риска перехода политической игры в военный конфликт.

- Все это происходит на фоне глобального деклассирования ключевых социально вовлеченных слоев развитых индустриальных, предпостиндустриальных и постиндустриальных государств мира и формирования моделей структурирования соответствующих обществ на иной модели, нежели отношение к собственности и в целом к экономическим процессам⁷. Встает естественный вопрос: насколько десоциализированные массы населения могут быть источником реальной, операционной легитимности государства и государственной власти, проявляемой в процессе глобальной политики и глобальной экономической конкуренции. Не говоря уже о том, что такого рода деклассированные слои являются естественными объектами среднесрочных политических манипуляций (Украина, страны Латинской Америки,

---

⁶ Называемыми рядом авторов «мегапартнерствами» [7, с. 137], такие объединения представляют собой разностатусные коалиции (даже ЕС является таковой), сформированные вокруг военного, политического или инвестиционного потенциала лидера, и черпающие свою глобальную легитимность из партнерских отношений с таким лидером. «Мегапартнерства», как система геополитических отношений, принципиально предусматривают размывание, как минимум, отдельных компонентов национальной легитимности.

⁷ Примером попыток такого неэкономического структурирования является концепция прекариата, содержащая в себе не только идею неограниченной социальной мобильности, то есть, экономического оправдания пауперизации и деклассированию, но и концепцию «резидентства» в противовес концепции гражданства. А это, по крайней мере, в первичной форме, обозначало идею различного доступа к политическим инструментам, то есть, к возможностям участвовать в легитимизации власти. [8, с. 275]. Президентство же может быть интерпретировано, как некая форма «экономического подданства», что принципиальным образом меняет механизм и суть легитимизации политической власти.

страны Восточного Средиземноморья, не сумевшие осуществить вторую промышленную и догоняющую социальную модернизацию).

- Внутренняя ситуация в России оценивается конкурентами России и на Западе, и на Востоке как сложная и неустойчивая, а российская элита, как слабая, коррумпированная и готовая на компромисс с Западом на условиях Запада. Информационно-политические манипуляции рассматриваются как целесообразный и относительно эффективный инструмент лишения России свободы маневра. И это стимулирует действия экономических конкурентов России, направленные на сужение возможностей ее маневра.

- Информационные манипуляции по демонизации России имеют некоторый успех, создавая сложности и в Евразии, и особенно за ее пределами, негативно отражаясь на инвестиционной привлекательности России. Попытки контрпропаганды зачастую еще больше актуализируют эти риски, как это, например, произошло с попытками информационной контригры России по «делу Скрипалей» [9], но, во всяком случае, позитивного политико-экономического результата не дают. Есть признаки переноса политики демонизации России на информационно-политические площадки крупнейших стран развивающегося мира (Иран, Бразилия, некоторые исламские государства и т.д.). Россия со своей стороны пока не попыталась обозначить комплексный образ будущего, продолжая оставаться даже в пропагандистской парадигме в модели «скорректированного» или «справедливого западничества», не вполне осознавая, вероятно, что западничество, как таковое, как идеологическая парадигма начинает «выгорать», хотя и сохраняется, как источник позиции о необходимости реализации принципов «ограниченного суверенитета» в условиях глобализации по различным гуманитарным соображениям.

- В качестве инструмента, ограничивающего возможности дальнейшей активной политики России, со стороны Запада начинает просматриваться не только «расшатывание ситуации» с использованием дружественных элитных групп, но и глобальной делегитимизации России как ключевого игрока во внешней политике. Эта линия включает в себя существенный блок обвинений, связанных с принципиальной легитимностью поведения России во внешней политике, причем по вопросам, напрямую связанным с проблематикой легитимизации политической власти (вмешательство в выборные процессы в различных странах «коллективного Запада»). То есть, Россия позиционируется как страна, препятствующая реализации национальных возможностей политически репрезентативной легитимизации систем власти. На этом фоне происходит системное наращивание степени интрузивности вмешательства Запада в процессы, связанные с легитимизацией российской власти, переход к прямой делегитимизации выборного процесса как такового, за счет его интернационализации [10].

Констатируем, что России навязано комплексное политическое противоборство, ключевым компонентом которого стали не столько тактические

пропагандистские действия, сколько возможность размыывания с использованием коммуникационных инструментов восприятия внешнеполитических действий России как легитимных сперва на международной арене, а затем и внутри страны. Это должно предельно усложнить встраивание России в ключевые глобальные геоэкономические тенденции и доступ к перспективным центрам экономического роста, а в более далекой перспективе — создать условия для осуществления социоконструктивистских действий, направленных на закрепление и политическую репрезентацию складывающихся расколов в российском обществе.

Вместо заключения: синергичность вызовов — синергичность ответа

На сегодняшний день мы наблюдаем энергичные попытки США через разновекторные информационные кампании обеспечить начало процесса операционной делегитимации России как государства, выступающего за сохранение существующих принципов международного права. Пока России не удалось сформировать вокруг себя полноценной коалиции, противостоящей политике США по размыыванию принципов глобальной легитимности и суверенитета. Подобную ситуацию сложно назвать изоляцией, тем не менее она демонстрирует политическую сложность положения России, стремящейся действовать в рамках классической политики защиты международного права.

Одиночество России в борьбе за суверенитет является продолжением ее политического положения в контексте ключевых процессов глобального развития⁸. Это одиночество политической силы, ограниченной в своем геополитическом маневре структурными и пространственными обстоятельствами. Россия, будучи жестко иерархической системой, выступает объектом экспансии и давления сетевых структур. Одновременно она, по своей экономической природе — классическое общество-система индустриального модерна, социально несет внутри себя элементы и постиндустриального общества, и анклавов с явным вектором на архаизацию, ставшую результатом глубокой деиндустриализации 1990-х — начала 2000-х годов и соответствующей десоциализации значительных масс населения.

Нельзя, впрочем, не отметить, что неудача России в формировании коалиции за сохранение базовых норм международного права связана не только со степенью агрессивности поведения США, но и с тем, что американцы опираются на объективно существующие в глобальной политике факторы: ожидание возникновения новой глобальной политической и эко-

---

⁸ Цивилизационное «одиночество», о котором говорит В. Сурков [11], безусловно, является объективным фактом глобального развития, но отражает ситуативно сложившийся феномен, проявившийся в момент максимальной концептуальной и цивилизационной атомизации пространства глобальной политики, когда ни у одной масштабно значимой силы просто не сформировалось полноценного образа будущего и утрачивался «образ настоящего».

номической архитектуры, в рамках которого многие традиционные нормы международного права будут «обнулены». Россия пока не вписывается в структуру современных геополитических и геоэкономических процессов, что в условиях виртуализации и «твиттеризации» глобальной политики создает значимые среднесрочные риски⁹.

Россия слишком сильна и слишком стремится к независимой внешней политике и внутреннему суверенитету, чтобы стать частью одной из оформляющихся коалиций, действующих на базе, как уже говорилось, «усеченного суверенитета», во всяком случае, в качестве единого централизованного государства. Но пока слаба, чтобы стать ядром собственной коалиции, если не считать возможности формирования коалиции в пространстве постсоветской Евразии, что может быть связано с чрезмерными издержками и ресурсными затратами при неочевидном, а, как минимум, непропорциональном результате. Архитектура внутреннего экономического пространства не позволяет эффективно бороться за встраивание в наиболее значимые регионализированные центры экономического роста. При этом отсутствие внутреннего консенсуса, который бы заменил и, при наилучшем сценарии, упрочил бы «крымский консенсус», а также наличие очевидных факторов социального и даже социально-регионального расслоения делают применение против России стратегии «селективной легитимности» практически оправданным, как минимум для ограничения потенциала российских властей для активных действий на мировой арене.

Принцип «селективной легитимности» уже давно апробируется «коллективным Западом» выходя за рамки операционного «двойного стандарта» и превращаясь в важнейший глобальный политический инструмент управления трансформациями [13, с. 132]. Но «венесуэльский прецедент», как модель «ситуативной международной легитимности» на базе социального раскола, может создать совершенно новую основу подрыва легитимности власти на базе выявления, организационного структурирования, возможно, на базе коммуникационных технологий и последующей глобальной политической репрезентации через контролируемые США глобальные каналы коммуникаций ситуативных легитимных политических или даже социальных групп, в качестве формально конкурирующих систем по отношению к той или иной государственности, не исключая и российскую¹⁰.

⁹ О феномене «параллельной России» в социальном плане убедительно говорит С. Кордонский [12], но этот социальный феномен имеет своим истоком конкретные экономические процессы, характерные не только для России, но и для других стран, например, с тем же успехом мы можем говорить о «параллельных США», но проявляется не только в «параллельности» социальной жизни, но и формировании особых механизмов взаимодействия социального пространства и политической среды, одной из которых становится эмансипирование общества от политических процессов при резком повышении их информационной доступности.

¹⁰ Важным обстоятельством является история признания Российской Федерации правопреемником СССР в международных органах, произошедшая преимущественно по политическому решению при спорных правовых обстоятельствах. Легитимизация российской власти до принятия Конституции 1993 года происходила по факту признания Российской Федерации правопреемником СССР в

В отношении России Запад близок к переходу к модели комплексного экономико-политического сдерживания с элементами сдерживания военно-политического [14] (носившего в период «холодной войны» наименование containment), которая предусматривает в качестве интегрального компонента разрушение внутренней социально-экономической, а как результат, и социально-политической устойчивости российской государственности. Это приводит к операционной делегитимизации государственности, возможно, как и в конце 1980-х годов — с формированием системы политического двоевластия и конкуренции легитимностей, но в гораздо более динамичном глобальном контексте и на существенно более эффективном уровне коммуникационных манипуляций, используя упомянутый выше фактор существования «параллельной России», которую с использованием современных манипулятивных методов вполне можно трансформировать из чисто социального явления в политическую действительность.

Ключевым выводом из проведенного анализа, вероятно, следует считать констатацию принципиального усложнения формирования государственной легитимности. Принципиально важным в этой связи является вывод российского исследователя Ю.А. Веденева о том, что источником права, а соответственно, — и легитимности, причем не только внутренней, но и внешней должны быть не только формалистические нормы, но и целый комплекс обстоятельств:

«Правогенез — симбиоз социогенеза и культурогенеза или совместного развития систем нормативных практик и систем исторических языков представлений о должном или недолжном порядке социальных отношений. Право определяет себя не только тем, что является его предметом, но и в том, что и как оно воспринимает в качестве своего предмета» [15, с. 9]. Правогенез в современных информационных условиях будет осложнен особенностями глобального развития информационного общества и его страновых вариантов и степенью деструктивности, формирующихся там процессов.

С этих позиций пространственное развитие России, о котором много говорят в настоящее время и которое должно способствовать преодолению неадекватности структуры внутренней экономики России перспективной архитектуре глобальной экономики [16] и обеспечить устойчивое подключение экономики России к наиболее важным центрам регионализованного экономического роста, должна рассматриваться как *средство не только экономической, но и социальной модернизации, создавая вокруг новых экономических пространств новые социальные и социально-политические*

международных институтах, то есть, источником легитимности были внешние, прежде всего, политические обстоятельства, а не внутренняя социально-политическая консолидация и формирование репрезентативной политической системы. Повторение этой модели в обратном порядке с поправкой на позицию России и КНР происходит сейчас в отношении Венесуэлы. В дальнейшем эта модель «обратной глобальной легитимизации» может быть еще более развита за счет коммуникационно-манипулятивных инструментов и без оглядки на глобальные правовые и политические институты.

пространства, являющиеся источником легитимности для политической власти через гражданскую активность, сопряженную с результативной экономической деятельностью, а не концентрирующуюся только в пространстве социальных коммуникаций.

Пространственное развитие России только тогда может считаться эффективным и осмысленным, если оно обеспечивает укрепление и пространственное расширение (пространственная манифестация, если говорить в терминологии коммуникативистики) нового социально-экономического консенсуса, становясь одним из важнейших источников легитимности власти, причем одновременно обращенным и внутрь России, минимизируя возможности социальных манипуляций, так и во внешне геополитическое и геоэкономическое пространство, укрепляя глобальную легитимность нашей страны. Пространственное развитие является инструментом расширения зоны присутствия не только современных и легализованных экономических отношений, но также и пространства современного «гражданского общества» в различных его проявлениях, сформированного вокруг экономических процессов и до известной степени защищенных от внешних информационных манипуляций.

В то же время встает вопрос о необходимости адаптации нормативно-правовой базы к новому комплексному подходу к управлению внутренним развитием в контексте внешних (политических и экономических) рисков и вызовов. И это — большая задача, требующая отказа от ранее распространенных стереотипов, в частности, о критичности соблюдения формальных норм международного права для получения операционной легитимности и о необходимости подкреплять внутреннюю, вернее, внутренне сформированную легитимность через одобрение.

Список литературы

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. Пер. с англ. / Вступительная статья и приложения Г.М. Дерлугьяна. Изд. 2-е, испр. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
2. Шваб К., Дэвис Н., Технологии четвертой промышленной революции. Пер. с англ. М.: ЭКСМО, 2018. 320 с.
3. Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе или Что делать оставшимся 99% населения. Пер. с англ. М.: Эксмо, 2016. 480 с.
4. Кастельс М. Власть коммуникации. Пер. с англ. М.: Издательский дом «Высшая школа экономики», 2016. 564 с.
5. Акерлоф Дж., Шиллер Р. Охота на простака. Экономика манипуляций и обмана. Пер. с англ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 320 с.
6. Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. Пер. с англ. М.: Издательство АСТ, 2017. 704 с.
7. Шереметьев Д.В. Мегатренды развития современной миросистемы и интересы безопасности России // Власть. № 1. 2019. С. 133–141.

8. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.
9. Манойло А.В. «Дело Скрипалей» как операция информационной войны // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). № 1. 2019. URL: www.evestnik-mgou.ru Цитируется по: Блог Андрея Манойло. Режим доступа: https://www.andreymanoylo.com/single-post/2019/03/17/Дело-Скрипалей?fbclid=IwAR1BHTi9srOuHNXetwHbIJrZ9IRAjfh0jxoT1fn1T2-STycB_z3sP0OyFJg. Дата обращения: 20.04.2019.
10. Манойло А.В., Авдеева Н.В., Лавринов Б.Б. Внешнее вмешательство в выборы как угроза безопасности Российской Федерации // Гражданин. Выборы. Власть, № 3. 2018. С. 58–91.
11. Сурков В. Одиночество полукровки // Россия в глобальной политике. Электронный ресурс. 9 апреля 2018 года. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/global-processes/odinochestvo-polukrovki-14-19477>. Дата обращения: 03.04.2019.
12. Кордонский С. Промысел и бунт. Вместо бизнеса — промысел, вместо статистики — наблюдения: Социолог Симон Кордонский о параллельной России // Яндекс-Дзен. CODA. Электронный ресурс. 15 марта 2018 года. Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/codaru/promysel-i-bunt-5aaa2184a8673145f483cad>. Дата доступа: 04.04.2019.
13. Ежов Д.А. Демократические выборы и референдумы в условиях трансформации мирового порядка // Гражданин. Выборы. Власть. № 3. 2018. С. 123–135.
14. Dobbins Shatz H., Wyne A. Russia Is a Rogue, Not a Peer; China Is a Peer, Not a Rogue. Different Challenges, Different Responses // Rand Corporation: Perspectives. Expert insights on a timely policy issue. October 2018. Режим доступа: https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE310.html?fbclid=IwAR1BJ3ut8KG2CS3waVfrfjuM_cZyDrmippcMEP28qH79jwP4qCJV99SGAsc. Дата обращения: 10.03.2019.
15. Веденеев Ю.А. Эпистемология права: между догматическим наследием и языком новой аналитики // Гражданин. Выборы. Власть. № 1(11). 2019. С. 17–41.
16. Евстафьев Д. Постглобализация и пространственное развитие России // Эксперт. № 14 (1114). 1–7 апреля 2019 года. С. 70–75.